

О. И. Беляев

МГУ им. М. В. Ломоносова — МГГУ им. М. А. Шолохова, Москва

ПСЕВДОСОЧИНЕНИЕ В ОСЕТИНСКОМ ЯЗЫКЕ¹

1. Введение

Термины «псевдосочинение» и «псевдоподчинение» были впервые предложены в работе [Yuasa, Sadock 2002] для обозначения синтаксических конструкций, обладающих смешанными сочинительно-подчинительными свойствами. «Псевдосочинительными» называются такие конструкции, которые, будучи сочинительными с точки зрения структуры составляющих («синтаксически сочинительными»), обнаруживают ряд синтаксических и семантических свойств, характерных для подчинительных конструкций, то есть являются, по мнению Э. Юаса и Дж. Сейдока, «семантически подчинительными». «Псевдоподчинительными», в свою очередь, называются такие конструкции, для которых верно обратное несоответствие.

Примером псевдосочинительной конструкции является следующая конструкция в английском языке, которую Д. Куликовер и Р. Джэкендофф [Culicover, Jackendoff 1997] назвали «Left-subordinating AND»:

- (1) *One more can of beer and I'm leaving.*
‘Ещё одна банка пива, и я пойду’.

Несмотря на то, что данная конструкция оформляется сочинительным союзом *and* ‘и’, она обладает семантикой, близкой к условной. Д. Куликовер и Р. Джэкендофф показали, что синтаксические свойства этой конструкции, связанные с Ограничением

¹ Исследование выполнено при поддержке Минобрнауки России, тема НИР 2685 «Параметрическое описание грамматических систем», и РГНФ, проект № 13-04-00342. Я благодарен М. В. Дарчиевой, З. К. Дзущевой и Ф. К. Агузаровой за данные осетинского языка. Кроме того, я благодарен участникам конференции «Типологически редкие и уникальные явления на языковой карте России» (Санкт-Петербург, 2–4 декабря 2011 г.) за ценные замечания. Все ошибки — на моей совести.

на сочинительную структуру Дж. Росса [Ross 1967], свидетельствуют в пользу подчинения. По мнению исследователей, это объясняется тем, что данная конструкция является синтаксически сочинительной, но семантически подчинительной.

Примером псевдоподчинительной конструкции, рассмотренной в [Yuasa, Sadock 2002], является т. н. комитативное сочинение²:

(2) *В комнату вошли Петя с Васей.*

Несмотря на то, что в данной конструкции ИГ *Петя с Васей* выглядит как подчинительная — предлог *с* приписывает творительный падеж второму конъюнкту — она обладает рядом свойств, характерных скорее для сочинения. В частности, глагол согласуется с такими ИГ по множественному числу, как при сочинении, но не по единственному числу, как можно было бы ожидать при полностью подчинительном анализе. Руководствуясь этими и другими синтаксическими фактами, Э. Юаса и Дж. Сейдок приходят к выводу о том, что данная конструкция, будучи синтаксически подчинительной, с семантической точки зрения является сочинительной.

В данной статье будут подробно рассмотрены две конструкции в осетинском языке, в которых союз *æмæ* ‘и’ используется в нетипичной для себя функции: для маркирования придаточных причины и пропозициональных сентенциальных актантов³. Свойства, демонстрируемые этими конструкциями, различны: если конструкции с пропозициональным *æмæ*, действительно, можно считать псевдосочинительными в понимании [Yuasa, Sadock 2002], то конструкции со значением причины являются сочинительными по всем рассматриваемым мною параметрам. Это означает, что «семантически подчинительная» конструкция совсем не обязательно обладает какими-либо подчинительными свойствами. Иными словами, уровень «абстрактного синтаксиса» необходимо отличать от уровня семантики высказывания, а то, что в [Yuasa, Sadock 2002] и [Culicover, Jackendoff 1997] называется «семантическим сочинением/подчинением», скорее следует считать «глубинно-синтаксическим сочи-

² В статье подробно рассматривалось комитативное сочинение в языке идиш, однако его свойства в целом совпадают со свойствами похожих конструкций в славянских языках, включая русский.

³ Для удобства я буду называть все подобные конструкции «псевдосочинительными», хотя их синтаксические свойства различны.

нением/подчинением» (или f-подчинением, если считать, что уровень «абстрактного синтаксиса» — это нечто вроде f-структуры, используемой в Лексико-функциональной грамматике).

Данная статья построена следующим образом. В разделе 2 дается общий обзор псевдосочинительных употреблений союза *æмæ* ‘и’ в осетинском языке. В разделе 3 две псевдосочинительные конструкции с этим союзом — причинная и пропозициональная — анализируются с точки зрения их сочинительно-подчинительных свойств. В разделе 4 свойства осетинских конструкций рассматриваются в свете существующих подходов к псевдосочинению; делается вывод о необходимости определения понятий «сочинение» и «подчинение» независимо на трех уровнях структуры предложения. Раздел 5 представляет собой заключение.

2. Псевдосочинение в осетинском языке — общий обзор

В осетинском языке союз *æмæ* ‘и’ используется в следующих не вполне типичных для сочинения контекстах:

1. Сентенциальные актанты при глаголах *фæндын* ‘хотеть’, *æнхъæл уæвын* ‘думать’⁴ (*æмæ*):

(3) *Маен фæнд-ы, æмæ æрба-цæу-ай.*
1SG.GEN хотеть-PRS.3SG и PV-идти-SBJV.2SG
‘Я хочу, **чтобы** ты пришел’.

(4) *Ды æнхъæл да, æмæ афтæмæй*
2SG.NOM (думать) быть.PRS.2SG и так
а-хицæн уы-дзыстæм?
PV-отдельный быть-FUT.1PL
‘Ты думаешь, **(что)** мы так разойдемся?’

[Ахвледиани 1969: 322]

2. Целевые предложения (*æмæ, кæд æмæ*):

(5) *Зæрдаæхъæлдзæг-æй кус, æмæ*
радость-AVL работать[IMP.2SG] и

⁴ Глагол *æнхъæл уæвын* является сложным глаголом, состоящим из именной части *æнхъæл* и вспомогательного глагола *уæвын* ‘быть’. Именная часть в независимом употреблении значит ‘надежда’, поскольку значение сложного глагола непосредственно не выводится из значения именной части, я буду условно глоссировать последнюю как ‘(думать)’.

- бæзз-ай* *лæг-æн!*
 годиться-SBJV.2SG человек-DAT
 ‘Работай с радостью, **чтоб** человеком стать!’
 [Кулаев 1959: 57]
- (6) *Уырызмаедж-ы* *агур-ын,* *кæд æмæ стæр-ы*
 Урузмаг-GEN искать-PRS.1SG если и набег-IN
а-хæт-иккам.
 PV-бродить-SBJV.1PL
 ‘Ищу Урузмага, **чтобы** постранствовать’.
 [Ахвледиани 1969: 337]
3. Придаточные причины (*уымæн æмæ, уый тыххæй æмæ*):
- (7) *Æз* *бар* *нæ* *дæтт-ын* *дæу-æн*
 1SG.NOM право NEG давать-PRS.1SG 2SG-DAT
куыст-мæ *а-цæу-ын-мæ,* *уымæн* *æмæ*
 работа-ALL PV-идти-INF-ALL 3SG.DIST.DAT и
рынчын *дæ.*
 больной быть.PRS.2SG
 ‘Я тебе не даю право выходить на работу, **потому что** ты болен.’
 [Кулаев 1959: 20–21]
- (8) *Иуане-имæ* *хицæу-ттæ* *лымæн* *уыд-ысты,*
 Иуане-ALL хозяин-PL друг быть-PST.INTR.3PL
уый ***тыххæй*** ***æмæ*** *ис-кæй*
 3SG.DIST.GEN для и INDEF-кто.GEN
æхца *æфстау* *куы* *ба-хъуыд-и*
 деньги заем когда PV-быть.нужным-PST.INTR.3SG
гæртам-ы *тыххæй,* *уæд* *ын* *уым-æй*
 взятка-GEN для тогда 3SG.ENCL.DAT 3SG.DIST-ABL
ис-ын *код-т-ой.*
 брат-INF делать-TR-PST.3PL
 ‘С Иуане начальство дружило, **потому что**, когда кому-нибудь нужны были деньги займы на взятки, оно (начальство) рекомендовало ему брат-их у него’.
 [Кулаев 1959: 21]

Здесь необходимо заметить, что элементы *уымæн* (3SG.DIST.DAT) и *уый тыххæй* (3SG.DIST.GEN ‘для’) не являются частями «сложного союза», как их называют в осетинских грамматиках, а относятся к главной клаузе. Антецедентом местоимения *уымæн/уый* в этих

случаях является зависимая клауза. Это следует из того, что в случае, если зависимую клаузу необходимо сделать фокусом высказывания, то в предглагольную фокусную позицию помещается именно *уымæн / уый тыххай*:

- (9) *Æз ацы рæ-тт-æм дæр уымæн*
 1SG.NOM этот место-PL-ALL PTCL 3SG.DIST.DAT
æр-хæуд-тæн, æмæ бар-ын нæ
 PV-падать-PST.INTR.1SG и прощать-INF NEG
зон-ын.
 знать-PRS.1SG
 ‘Я **потому** до такого состояния докатился, **что** не умею прощать’.
 [Ахвледиани 1969: 340–341]

4. Придаточные степени, ‘так — что’ (*æмæ*):

- (10) *Алан ахæм расыг уыд-и æмæ дзеу-дзеу*
 Алан такой пьяный быть-PST.INTR.3SG и (кататься)
кæн-гæ-йæ цыд.
 делать-PTCP-ABL идти[PST.INTR.3SG]
 ‘Алан был **такой** пьяный, **что** шел качаясь’.

5. Наконец, следует сказать и о конструкции, ранее не упоминавшейся в грамматиках осетинского языка, которую я буду условно называть «*æмæ*-инверсией» (“coordinating inversion” в [Belyaev 2014]). Практически любое коррелятивное придаточное предложение в осетинском языке может быть переформулировано путем перестановки придаточного в конец предложения и соединения главного и придаточного союзом *æмæ* ‘и’:

- (11) *Æз æй æрмæст дæр ды куы*
 1SG.NOM 3SG.ENCL.GEN только PTCL 2SG.NOM когда
‘рба-цыд-тæ, уæд фед-т-он.
 PV-идти-PST.INTR.2SG тогда PV:видеть-TR-PST.1SG
 ‘Я его увидел только **тогда, когда** ты пришел’.

- (12) *Æз æй æрмæст уæд*
 1SG.NOM 3SG.ENCL.GEN только тогда
фед-т-он, æмæ ды куы
 PV:видеть-TR-PST.1SG и 2SG.NOM когда

‘рба-цъид-тæ.

PV-идти-PST.INTR.2SG

‘Я его увидел только **тогда, когда** ты пришел’.

К сожалению, пока в моем распоряжении слишком мало данных, чтобы иметь возможность точно установить условия появления этой конструкции. Можно предположить, что она используется в тех случаях, когда по каким-то прагматическим или синтаксическим причинам зависимую клаузу необходимо поместить в конец предложения. В коррелятивной конструкции зависимая клауза не может следовать за коррелятом, и поэтому единственной возможностью оказывается использование *æмæ*-инверсии.

Не все из этих конструкций одинаково допустимы для носителей осетинского языка. Поэтому для подробного синтаксического анализа я выбрал две конструкции, которые бесспорно признаются как грамматически правильные большинством носителей языка: конструкцию с сентенциальным актантом при глаголе *æнхъæл уæвын* ‘думать’ (4) и конструкцию причины с *уымæн æмæ* (7), (9). Первую конструкцию я буду далее называть «пропозициональным псевдосочинением», вторую — «причинным псевдосочинением».

3. Причинное и пропозициональное псевдосочинение в сопоставлении с каноническим сочинением и подчинением

3.1. Каноническое сочинение и подчинение в осетинском языке

В данном разделе сочинительно-подчинительные свойства двух рассматриваемых конструкций будут сопоставлены с соответствующими свойствами двух других конструкций — канонического сочинения и подчинения. Понятие канонического сочинения в комментариях не нуждается: это соединение двух и более финитных клауз посредством союза *æмæ*, при котором описываемые в них события либо одновременны, либо происходят последовательно, причём во втором случае линейный порядок клауз отражает темпоральный порядок событий.

Что касается канонического подчинения, то в осетинском языке оно имеет свою специфику, связанную с тем, что подавляющее большинство подчинительных конструкций в осетинском языке явля-

ются подвидами т. н. коррелятивной конструкции⁵. Эта конструкция, традиционно относимая к конструкциям относительного предложения, устроена следующим образом. Зависимая клауза находится в самом начале предложения; семантическая функция зависимой клаузы маркируется предглагольным показателем, как правило, омонимичным соответствующему вопросительному слову (*чи* ‘кто’, *цы* ‘что’, *куыд* ‘как’ и т. п.). Синтаксическая функция зависимой клаузы в главной обозначается указательным местоимением или наречием, соответствующим значению клаузы (для референции к объектам и ситуациям используется указательное местоимение дальнего дейксиса *уый*, для референции к времени — *ухед* ‘тогда’ и т. п.), которое принято называть *коррелятом*. Использование коррелята, как правило, обязательно, однако при определённых условиях (пока не вполне ясных) он может быть опущен. Зависимая клауза и коррелят не образуют составляющей, что видно из того, что они могут быть отделены друг от друга любыми составляющими главной клаузы.

- (13) [*Сæ-хи-мæ* **куы** ‘рба-цыд-и] *мах*
 3PL-REFL-ALL когда PV-идти-PST.INTR.3SG 1PL.NOM
уый *размæ* *а-цыд-ыстæм.*
 3SG.DIST.GEN перед PV-идти-PST.INTR.1PL
 ‘Мы ушли **до того, как** он пришёл’.

Существует и альтернативная конфигурация коррелятивной конструкции, когда зависимая клауза непосредственно примыкает слева к корреляту. В таком случае зависимая клауза и коррелят образуют составляющую, поскольку они не могут быть разорваны. Кроме того, два сочетания «зависимая клауза + коррелят» могут быть сочинены, что было бы невозможно, если бы каждое из них не было составляющей:

- (14) *Алан* *кас-ы* [DP [*цы* *чиныг* *ын*
 Алан читать-PRS.3SG что книга 3SG.ENCL.DAT
ба-лаевар *код-т-а* *Аслан*], **уый**],
 PV-подарок делать-TR-PST.3SG Аслан 3SG.DIST
æмæ [DP [*цы* ***статья*** *ны-ффыст-а* *Зауыр*],
 и что статья PV-писать-PST.TR.3SG Заур

⁵ Подробнее о коррелятивной конструкции в осетинском языке см. [Беляев 2011; Belyaev 2014].

уый].

3SG.DIST.NOM

‘Алан читает **ту книгу, которую** ему подарил Аслан, и **ту статью, которую** написал Заур’.

Помимо предглагольных подчинительных показателей, участвующих в образовании коррелятивных конструкций, в осетинском также имеется ограниченный класс «плавающих» [Erschler 2012] союзов. К этому классу относится всего четыре союза: *цæмай* ‘чтобы’, *кæд* ‘если’, *цыма* ‘будто’, *цалынмæ* ‘пока’. Такие союзы могут находиться либо в начальной позиции в клаузе, либо в предглагольной позиции. При этом перед «плавающими» союзами в начальной позиции могут также находиться вынесенные влево составляющие; таким образом, союз может находиться в любой позиции от начала клаузы и до предглагольной:

(15а) *Маен фæнд-ы, [цæмай ды дзул*
 1SG.GEN хотеть-PRS.3SG чтобы 2SG.NOM хлеб
ба-лхæн-ай].
 PV-купить-SBJV.2SG

(15б) *Маен фæнды, [ды дзул цæмай балхæнай]*.

(15в) *Маен фæнды, [ды цæмай дзул балхæнай]*.
 ‘Я хочу, **чтобы** ты купил хлеб’.

В большинстве конструкций с «плавающими» союзами местоимение-коррелят допустимо, но не обязательно (ср. (15), где коррелята нет, и (16), где он есть).

(16) *Дæу уый фæнд-ы, [цæмай*
 2SG.GEN 3SG.DIST.NOM хотеть-PRS.3SG чтобы
Чермен-æн у-а йæ-хиц-æн мулк,
 Чермен-DAT быть-SBJV.3SG 3SG-REFL-DAT власть
зæхх-ытæ æмæ фæс].
 земля-PL и скот
 ‘Ты **того** хочешь, **чтобы** самому Чермену принадлежали власть, земли и скот’.

3.2. Ограничения на линейный порядок клауз

В осетинском языке в канонической сочинительной конструкции ни одна из клауз не может быть вложена в другую (17а), и

линейный порядок клауз не может быть произвольно изменен: он должен соответствовать их временной последовательности (17б) [Haiman 1985: 216].

(17а) **Зауыр, ама с-хуыссыд,* *сæ-хи-мæ*
 Заур и PV-лежать[PST.INTR.3SG] 3PL-REFL-ALL
æрба-цъд-и.
 PV-идти-PST.INTR.3SG
 ‘Заур пришёл домой **и** лег спать’.

(17б) ??*Зауыр с-хуыссыд,* *ама сæ-хи-мæ æрба-цъд-и.*
 ‘Заур пришёл домой **и** лег спать’.

Напротив, в коррелятивной конструкции допустимо гнездование зависимой клаузы внутри главной. Однако при этом за ней обязательно должно следовать местоимение-коррелят, поэтому такая зависимая клауза не может находиться в абсолютном конце предложения:

(18а) *Гуыба ба-зъд-т-а,* [Джерихан
 Губа PV-знать-TR-PST.3SG Джерихан
Алимæрза-имæ кæй фæ-бадт-и],
 Алимурза-COMIT COMPL PV-сесть-PST.INTR.3SG
уый.
 3SG.DIST.NOM
 ‘Губа узнал **то, что** Джерихан просидел с Алимурзой’.

(18б) **Гуыба базъдта уый,* [Джерихан Алимæрзаимæ кæй фæбадти].
 ‘Губа узнал **то, что** Джерихан просидел с Алимурзой’.
 [Багаев 1982: 388]

Что касается зависимых клауз с «плавающими» подчинительными показателями, то их позиция внутри главной клаузы совершенно свободна — они могут находиться в начале, в середине и в конце предложения:

(19) *Маен,* [*цæмæй ды дзул*
 1SG.GEN чтобы 2SG.NOM хлеб
ба-лхæн-ай], *фæнд-ы.*
 PV-купить-SBJV.2SG хотеть-PRS.3SG
 ‘Я хочу, **чтобы** ты купил хлеб’.

По данному признаку обе псевдосочинительные конструкции скорее относятся к сочинению. В пропозициональном псевдосочинении «зависимая» клауза всегда следует за «главной», а союз находится посередине между ними (20)–(21):

- (20) **Æмæ йæ Алан сай-ы,*
и 3SG.ENCL.GEN Алан обманывать-PRS.3SG
Зауыр æнхъæл у.
Заур (думать) быть.PRS.3SG
(‘Заур думает, **что** Алан его обманывает’.)
- (21) **Зауыр, æмæ Алан уымæ а-цыд-ис,*
Заур и Алан 3SG.DIST.ALL PV-идти-PST.INTR.3SG
æнхъæл у.
(думать) быть.PRS.3SG
(‘Заур думает, **что** Алан к нему пошёл.’)

При каузальном псевдосочинении гнездование также невозможно (22), но возможен любой линейный порядок клауз: чаще всего придаточное причины следует за главной клаузой (7)–(8), но возможен и порядок, отражающий темпоральную последовательность ситуаций (23). Однако при этом союз обязательно должен находиться между двумя клаузами, что сближает эту конструкцию с сочинением. Какая из клауз является «главной», а какая — «зависимой», определяется исключительно позицией местоимения-коррелята *уымæн*:

- (22) **Зауыр уымæн, æмæ йын æххормаг*
Заур 3SG.DIST.DAT и 3SG.ENCL.DAT голод
уыд-и, *æнахъæн фыдджын*
быть-PST.INTR.3SG целый фыдджын
ба-хорд-т-а.
PV-есть-TR-PST.3SG
(‘Заур съел целый фыдджын, **потому что** был голоден’.)
- (23) *Æххормаг Зауыр-æн уыд-и, æмæ*
голод Заур-DAT быть-PST.INTR.3SG и
уымæн уый æнахъæн фыдджын
3SG.DIST.DAT 3SG.DIST.NOM целый фыдджын

ба-хорд-т-а.

PV-есть-TR-PST.3SG

‘Заур был голоден, и поэтому он съел целый фыдджын’.

Замечу, что дательный падеж в осетинском языке не используется для выражения причины вне этой конструкции, и поэтому (23) нельзя считать простым сочинением клауз, подобным русскому «...и поэтому...».

3.3. Позиция союза

Как уже было сказано выше, в осетинском языке подчинительный показатель всегда находится либо в начале клаузы, либо в предглагольной позиции. При этом в начале клаузы ему может предшествовать топикализованная составляющая (15в). Союз *æмæ* в обеих псевдосочинительных конструкциях не относится ни к классу предглагольных союзов, ни к классу «плавающих» союзов — он всегда находится строго между двумя клаузами, и ему не может предшествовать никакая составляющая семантически зависимой клаузы:

(24) **Зауыр æнхъæл* у [Алан *æй*
Заур (думать) быть.PRS.3SG Алан 3SG.ENCL.GEN
æмæ сай-ы].

и обманывать-PRS.3SG

(‘Заур думает, что Алан его обманывает’.)

(25) **Зауыр æнæхъæн фыдджын уымæн*
Заур целый фыдджын 3SG.DIST.DAT
ба-хорд-т-а, [æххормаг *ын æмæ*
PV-есть-TR-PST.3SG голод 3SG.ENCL.DAT и
уыд-и].

быть-PST.INTR.3SG

(‘Заур съел целый фыдджын, потому что был голоден’.)

Это свидетельствует о том, что союз *æмæ* в обеих псевдосочинительных конструкциях занимает позицию сочинительного союза, то есть находится между двумя клаузами, не входя ни в одну из них. Таким образом, по крайней мере с точки зрения структуры составляющих, псевдосочинительные конструкции следует считать подклассом сочинительных.

3.4. Ограничения на анафору

В осетинском языке, как и во многих других языках [Haspelmath 1995], в канонически сочинительных предложениях катафора (т. е. предшествование анафора antecedенту) в большинстве случаев невозможна (26), а в подчинительных — возможна, если анафор находится в зависимой клаузе (27).

(26) *Æз æй_i фед-т-он, æмæ
 1SG.NOM 3SG.ENCL.GEN PV:видеть-TR-PST.1SG и
 мæм Алан_i ба-дзырд-т-а.
 1SG.ENCL.ALL Алан PV-говорить-TR-PST.3SG
 (*‘Я его_i увидел, и Алан_i меня позвал’.)

(27) Æз æй_i куы фед-т-он,
 1SG.NOM 3SG.ENCL.GEN когда PV:видеть-TR-PST.1SG
 уæд Алан_i мæм ба-дзырд-т-а.
 тогда Алан 1SG.ENCL.ALL PV-говорить-TR-PST.3SG
 ‘Когда я его увидел, Алан меня позвал’.

Проверить этот признак возможно только для каузального псевдосочинения, где взаимное расположение клауз свободно. В этой конструкции катафора из семантически зависимой клаузы невозможна, что говорит о сочинительном характере конструкции:

(28) *Æххормаг ын_i уыд-и, æмæ
 голод 3SG.ENCL.DAT быть-PST.INTR.3SG и
 уымæн Зауыр_i æнæхъæн фыдджын
 3SG.DIST.DAT Заур целый фыдджын
 ба-хорд-т-а.
 PV-есть-TR-PST.3SG
 (‘Потому что он_i был голоден, Заур_i съел целый фыдджын’.)

3.5. Островные ограничения

В осетинском языке сочинительные конструкции подчиняются т. н. Ограничению на сочинительную структуру Дж. Росса (Coordinate Structure Constraint) [Ross 1967]. Никакая из составляющих одного из конъюнктов не может быть мишенью синтаксического правила, применяемого извне сочиненной группы. В частности, нельзя использовать в коррелятивной конструкции две сочиненные клаузы, только одна из которых содержит вопро-

сительно-относительное местоимение, маркирующее мишень релятивизации:

- (29) [Алан хæдзар-мæ кæй æрба-цъид-ис **æмæ**
 Алан дом-ALL COMPL PV-идти-PST.INTR.3SG и
 *(кæй) с-хуыссыд], уый
 COMPL PV-спать[PST.INTR.3SG] 3SG.DIST.NOM
 зон-ын
 знать-PRS.1SG
 ‘Я знаю, что Алан пришёл домой и лёг спать’ (букв. ‘Что Алан пришёл домой и что лёг спать, это я знаю’).

При этом релятивизация участника главной клаузы (но не зависимой) при подчинении допустима:

- (30) *Æз фæд-т-он, [[æххормаг (*цц)
 1SG.NOM PV:видеть-TR-PST.1SG голодный кто.NOM
 кæй уыд-и] уый тыххæй
 COMPL быть-PST.INTR.3SG 3SG.DIST.GEN для
 æнæхъæн фыдджын цц ба-хорд-т-а],
 целый фыдджын кто.NOM PV-есть-TR-PST.3SG
 уыцы лæппу-йы.
 DIST мальчик-GEN
 ‘Я видел того мальчика, который съел целый фыдджын, потому что был голоден’.*

По отношению к этому признаку две псевдосочинительные конструкции проявляют разные свойства. Релятивизация из семантически главной клаузы в пропозициональном псевдосочинении возможна (31), тогда как в каузальном псевдосочинении релятивизация невозможна ни в каком виде (32):

- (31) [Афтæ æнхъæл куы уыд-аин, **æмæ**
 так (думать) если быть-CNTRF.1SG и
 мæ сай-гæ (*куы) кæн-ыс],
 1SG.ENCL.GEN обманывать-PTCP если делать-PRS.2SG
уæд демæ ныхас нæ код-т-аин.
 тогда 2SG.COMIT речь NEG делать-TR-CNTRF.1SG
 ‘Если бы я думал, что ты меня обманываешь, я бы с тобой не разговаривал’.

- (32) **[Залина-йы уымæн кувь фæнд-ы*
 Залина-GEN 3SG.DIST.DAT если хотеть-PRS.3SG
мæн-мæ чындз-ы 'р-цæу-ын, æмæ хъæздыг (кувь)
 1SG-ALL невеста-IN PV-идти-INF и богатый если
дæн], уæд æз разы
 быть-PRS.1SG тогда 1SG.NOM согласный
нæ дæн.
 NEG быть-PRS.1SG
 ('Если Залина хочет выйти замуж за меня только потому,
 что я богатый, то я не согласен'.)

3.6. Отрицание «скрытой» предикации

Важным отличием обстоятельственных подчинительных конструкций от канонических сочинительных конструкций является тот факт, что ассертивная часть подчинительной конструкции включает в себя, помимо главной предикации (а также, в некоторых конструкциях, зависимой), также и компонент значения, передающий связь между двумя ситуациями. Это видно из того, как ведут себя предложения с обстоятельственными придаточными при помещении их в сферу действия внешнего отрицания (например, предиката 'неверно, что...'). В таком случае возможна интерпретация, при которой ситуации, выражаемые главной и зависимой клаузами, обе истинны, а отрицанию подвергается лишь отношение между этими ситуациями:

- (33) *Неправда, что ты проснулся, когда рассвело. Ты проснулся значительно позже!*
- (34) *Неправда, что он женился на ней, потому что она богатая. Он женился по любви!*

Очевидно, что в предложении (33) и главная, и зависимая клаузы являются истинными, а отрицанию подвергается лишь их одновременность. Аналогичным образом в (34) не отрицается ни факт женитьбы, ни факт богатства невесты — отрицанию подвергается лишь связь этих фактов между собой.

С другой стороны, в сочинительных конструкциях внешнее отрицание может затрагивать либо обе ситуации, либо (что реже) только одну из них, но само отношение между ситуациями (при истинности обеих) в сфере действия отрицания находится не

может. Интересно, что это относится не только к конструкциям с союзами *и* и *а* (35), но и к противительным конструкциям (36), где, казалось бы, семантическое отношение между двумя клаузами выражено достаточно явно.

(35) ??*Неправда, что я пообедал, а потом сходил в паспортный стол. Всё было наоборот: сначала я сходил в паспортный стол, а потом пообедал.*

(36) **Неправда, что она умная, но красивая. Эти качества не противоречат друг другу!*

Объяснение этому различию между сочинением и подчинением будет предложено ниже. Важным является тот факт, что в осетинском языке причинная псевдосочинительная конструкция, в остальном относящаяся скорее к сочинению, по данному признаку демонстрирует подчинительные свойства:

(37) *Маенг у, æмæ Зæлинаæ Алан-мæ*
 неправда быть.PRS.3SG и Залина Алан-ALL
чындз-ы 'р-цыд-и, уымæн æмæ
 невеста-IN PV-идти-PST.INTR.3SG 3SG.DIST.DAT и
уый хъæздыг у. Уый
 3SG.DIST.NOM богатый быть.PRS.3SG 3SG.DIST.NOM
йæ уарз-ы!
 3SG.ENCL.GEN любить-PRS.3SG
 'Неправда, что Залина вышла замуж за Алана, потому что он богатый. Она его любит!'

Этот тест неприменим к конструкциям с сентенциальными актантами по той причине, что в последних «скрытый» предикат, связывающий две клаузы, отсутствует. Клаузы в таких конструкциях связываются через главную предикацию, актантом которой является зависимая клауза.

3.8. Использование местоимения 'это'

Применим другой тест на сочинение/подчинение, предложенный в работе [Пекелис 2008]. Суть теста состоит в том, что местоимение *это*, антецедентом которого является предложение, может использоваться как одна из частей сложного предложения только в

том случае, если связь между двумя частями этого предложения является подчинительной. Ср. следующие примеры:

(38) *Современная фотография стала банальной, приторной и неинтересной, и всё это, потому что мнит себя искусством.*

[Пекелис 2008: 34]

(39) *Маша была занята подготовкой к экзамену и к тому же простужена. *Это! *Всё это, и мы не взяли её с собой.*

[Пекелис 2008: 35]

В (38) антецедентом местоимения *это* является предложение *Современная фотография стала банальной, приторной и неинтересной*, а само местоимение заменяет главную клаузу при придаточном причины. В (39) *это* аналогичным образом относится к предложению *Маша была занята подготовкой к экзамену и к тому же простужена*, но выступает в качестве одного из конъюнктов в сочинительной конструкции, и поэтому пример (39) не является приемлемым.

Очевидно, этот тест применим только к обстоятельственным придаточным: сентенциальные актанты по определению являются неотъемлемыми частями главной клаузы (это — определяющий признак актантов), и поэтому использование местоимения для референции к главной клаузе, не содержащей одного из своих актантов, невозможно по независимым причинам.

Данный тест был сформулирован О. Е. Пекелис на материале русского языка, и есть все основания полагать, что применение его в других языках может быть затруднено из-за отличного от русского поведения анафорических местоимений. Однако для осетинского языка данный тест оказывается вполне применимым и даёт для канонических конструкций те же результаты, что и в русском языке:

(40)	*Ды	ба-фæстиат	да.	Уый,
	2SG.NOM	PV-опоздание	быть.PRS.3SG	3SG.DIST.NOM
	æмæ	дæ	урок	дæр не с-ахуыр
	и	POSS.2SG	урок	PTCL NEG PV-учёба
		код-т-ай.		
		делать-TR-PST.2SG		
		(*‘Ты опоздал. Это, и ещё ты урок не выучил’.)		

Но несмотря на то, что использование конструкции с ‘это’ при сочинении невозможно, оно оказывается допустимым в причинной псевдосочинительной конструкции:

- (41) *Уый* *уымаен,* *æмæ* Цæрæтæли æппæт
 3SG.DIST.NOM 3SG.DIST.DAT и Цæрæтæли весь
йæ *цард* *æмæ* *йæ* *сфæлдыстад*
 POSS.3SG жизнь и POSS.3SG творчество
с-нывонд *код-т-а* *йæ* *адам-æн.*
 PV-жертва делать-TR-PST.3SG POSS.3SG народ-DAT
 ‘Это потому, что Цæрæтæли всю свою жизнь и всё своё творчество пожертвовал своему народу’
 [Г. Г. Бестаев, *Произведения, том 3*]

4. Анализ

4.1. Обобщение результатов и проблемы для двухуровневого анализа

Результаты применения вышеприведённых тестов можно суммировать в виде следующей таблицы:

Таблица 1. Результаты применения тестов на сочинение/подчинение

Признак	Причинный <i>æмæ</i>	Пропозициональный <i>æмæ</i>
Порядок клауз	сочинение	сочинение
Позиция союза	сочинение	сочинение
Анафора	сочинение	—
Островные ограничения	сочинение	подчинение
Отрицание	подчинение	—
Использование местоимения ‘это’	подчинение	—

Как видно из таблицы, в целом рассмотренные конструкции хорошо укладываются в схему, предложенную в работе [Yuasa, Sadock 2002]: по таким «поверхностным» признакам, как линейный порядок и позиция союза, обе конструкции являются сочинительными, в то время как по большинству «глубинных» признаков (анафора, относительный временной дейксис и островные ограничения) причинная конструкция проявляет сочинительные свойства, а пропозициональная — подчинительные. Принимая в

расчёт только эти признаки, можно прийти к выводу о том, что причинная конструкция относится к классу канонических сочинительных, а пропозициональная является псевдосочинительной, т. е. синтаксически сочинительной, но семантически подчинительной.

Однако характеристика причинной конструкции как «семантически сочинительной» выглядит достаточно спорной в виду большинства подходов к тому, чем является семантическое сочинение/подчинение. Общепринятой трактовки понятий «сочинения» и «подчинения» не существует, однако практически все подходы к этому вопросу обычно сводятся к тому, что сочинительные конструкции являются симметричными, а подчинительные — асимметричными. Конечно, вопрос о том, насколько даже канонические сочинительные конструкции, обозначающие последовательность событий, можно считать «семантически симметричными», является спорным. Однако представляется довольно очевидным, что такие значения, как причина, условие или цель должны однозначно относиться к классу семантически подчинительных, так как отношения, стоящие за этими понятиями, бесспорно являются асимметричными. Таким образом, если отнести причинную конструкцию к классу «семантически сочинительных», то концепция Д. Куликовера и Р. Джэкендоффа лишается предсказательной силы: понятия «семантического» сочинения и подчинения определяются чисто формально исходя из синтаксических свойств конструкции, и предсказать, к какому из этих двух классов относится та или иная конструкция, исходя из одного лишь её значения, невозможно. Но в таком случае не вполне понятно, какое отношение эти понятия имеют к собственно семантике.

Другая проблема для двухуровневого анализа осетинского материала состоит в том, что признаки для конструкций образуют не два класса, как можно было бы ожидать, а три. Это видно из того, что тесты на отрицание и на конструкцию с местоимением *это* дают для причинной конструкции результат «подчинение», хотя по всем остальным признакам она является сочинительной. Это вынуждает постулировать не два, а три уровня, на которых определяются понятия «сочинение» и «подчинение». По-видимому, первые два уровня («синтаксис» и «семантика») у предшествующих исследователей оба относятся к синтаксису, тогда как третий уровень относится к семантике, будучи напрямую зависимым от значения конструкции.

4.2. Семантическое сочинение и подчинение

В данном разделе я продемонстрирую, почему последние два теста относятся именно к семантическому уровню, а не к синтаксическому.

Тест на отрицание служит для выявления того, имеется ли в ассертивной части высказывания «скрытый» предикат, связывающий две клаузы. Очевидно, речь идёт исключительно об уровне семантики, а не об уровне синтаксиса: с синтаксической точки зрения вершиной всего предложения является предикат главной клаузы, а не союз.

То же можно сказать о конструкции с ‘это’. Значение этой конструкции состоит в том, чтобы подчеркнуть наличие связи между некоторой уже заданной в контексте ситуацией и некоторой другой ситуацией. Если такая связь явно не выражена в значении предложения, то конструкция не может быть употреблена. Такое объяснение предпочтительнее предлагаемого О. Е. Пекелис коммуникативного объяснения, потому что сфера употребления конструкции с *это* не ограничивается сложными предложениями. Эта конструкция также используется с не-сентенциальными сирконстантами предложения, при этом с актантами она использоваться не может:

(42) *Замерзает не только взлётная полоса, но и сам Йошкар-Олинский аэропорт. И это в преддверии большой даты — 80-летия гражданской авиации в России <...>* [И вновь заледенела полоса (2003) // «Марийская правда» (Йошкар-Ола), 2003.01.16]

(43) **Фёдор приехал. И это в Москву!*

Это свойство конструкции с *это* также объясняется наличием в предложениях с сирконстантами скрытой предикации (*аэропорт замерзает в преддверии большой даты* содержит две семантические предикации: ‘аэропорт замерзает’ (X) и ‘время X — в преддверии большой даты’), тогда как актант с глаголом, к которому он относится, не связывает никакое самостоятельное отношение (*Фёдор приехал в Москву*, очевидно, не содержит в качестве самостоятельной ассерции предикацию ‘место X — Москва’). О том, что сирконстанты, в отличие от актантов, вводят собственные семантические предикаты, см. тж. [Тестелец 2001: 190–191].

По-видимому, наличие самостоятельной ассерции, связывающей главную и зависимую предикации, — это и есть ключевой признак, отличающий семантическое сочинение от семантического обстоятельственного подчинения. Несмотря на то, что связь между клаузами в сочинительной конструкции также часто обладает вполне конкретной семантикой (особенно в случае союзов типа *но*), эта семантика не принадлежит к собственно пропозициональному уровню высказывания, т. е. не относится ни к логической ассерции, ни к логической пресуппозиции. Так, в работе [Урысон 2011] центральным компонентом значения противительных союзов считается «пресуппозиция» ожидаемого порядка вещей. Но очевидно, что здесь понятие пресуппозиции не используется в собственно логическом смысле: например, для оценки истинности высказывания *Она умная, но красивая* вовсе не обязательно соглашаться с тем, что умные женщины обычно некрасивы.

По-видимому, отношение между частями сочинительной конструкции описывается понятием *прагматической пресуппозиции* [Stalnaker 1973, Sellars 1954, Падучева 1981]. В отличие от логической, прагматическая пресуппозиция не выражает объективно истинное суждение, а отражает мнение говорящего. При этом для признания высказывания с прагматической пресуппозицией истинным необязательно признавать это мнение истинным. Так, по мнению Е. В. Падучевой, понятие прагматической презумпции является удобным формальным средством для описания семантики таких частиц, как *даже*, *ведь*. Действительно, истинность высказывания *Даже Вася приехал!* связана исключительно с фактом приезда Васи; неожиданность этого события, выраженная частицей *даже*, есть исключительно мнение говорящего. Такое же рассуждение действует и для сочинительных конструкций. Представим себе следующий диалог: *Серёжа написал статью, но она, как ни странно, получилась хорошей. — Это неправда!* Здесь второе высказывание может означать как отрицание обеих пропозиций, так и отрицание только одной из них (например, того, что статья получилась хорошей, или того, что Серёжа вообще писал статью). Но ни при какой интерпретации второго высказывания произносящий его не обязан соглашаться с прагматической пресуппозицией *Обычно Серёжа пишет плохие статьи*.

Это утверждение несложно проверить. Действительно, если считать, что соответствие/несоответствие ожиданиям является прагматической пресуппозицией, и если моя интерпретация тестов на отрицание и на использование конструкции с ‘это’ является правильной, то любая конструкция, значение которой включает в себя этот компонент, должна вести себя в соответствии с этими двумя тестами аналогично сочинительным конструкциям. Это предсказание подтверждается: в синтаксически подчинительной конструкции с союзом *хотя*, значение которой, аналогично значению союза *но*, описывается в терминах «обманутых ожиданий» [Урысон 2011], невозможно отрицание отношения между двумя клаузами, равно как и использование конструкции с *это*:

- (44) **Неправда, что статья получилась хорошей, хотя её написал Серёжа. Серёжа — хороший учёный!*
- (45) **Статья получилась хорошей. Это хотя её написал Серёжа.*

Тем самым было показано, что отношение между двумя предикациями в сочинительной конструкции не оказывает никакого влияния на истинность предложения и недоступно для каких-либо внешних семантических операторов. Таким образом, понятие сочинения с точки зрения семантики «в узком смысле» (т. е. условий истинности) сводится к конъюнкции двух пропозиций, тогда как понятие подчинения (за исключением релятивизации) неоднородно: либо одна из пропозиций включает другую в качестве аргумента (сентенциальные актаны), либо помимо двух пропозиций конструкция содержит также третью, связывающую их (обстоятельственные предложения). Относительные предложения обычно трактуются как конъюнкция двух ситуаций, в которых есть общий участник (т. е. предложение вида *Я видел того, кто пришёл* имеет значение «пришёл (X) & видеть (я, X)»⁶). Такое разнообразие полипредикации с точки зрения семантики наводит на мысль, что понятие «семантическое подчинение» не имеет большого теоретического смысла. Действительно, даже тесты,

⁶ Ранний пример такого подхода ср. в [Rodman 1972]; впоследствии представление семантики относительных конструкций в виде конъюнкции двух ситуаций использовалось практически во всех работах по формальной семантике, посвящённых этой теме.

противопоставляющие обстоятельственное подчинение и сочинение, не действуют для сентенциальных актантов и относительных предложений. В связи с этим следует признать, что понятия «сочинение» и «подчинение» являются исключительно синтаксическими, а семантику конструкций следует описывать при помощи более дробной классификации: ср. в этом отношении понятие «соподчинение» в [Foley, Van Valin 1984] или многофакторный подход к полипредикации в [Bickel 2010]. Однако пока такой классификации не разработано, я буду придерживаться традиционного бинарного противопоставления также и на уровне семантики.

4.3. Выводы

Таким образом, псевдосочинительные конструкции в осетинском языке по-разному характеризуются с точки зрения понятий сочинения и подчинения. Пропозициональное псевдосочинение является сочинительным только на уровне структуры составляющих. На уровне «глубинного» синтаксиса и на уровне семантики данная конструкция является подчинительной. Причинная конструкция, напротив, является сочинительной на обоих синтаксических уровнях, но, в полном соответствии со своим значением, является подчинительной на уровне семантики.

Предлагаемое решение требует наличия в грамматике как минимум трёх отдельных уровней: структуры составляющих, «глубинного» синтаксиса (уровня грамматических отношений) и семантики. Именно такое представление о структуре предложения характерно для Лексико-функциональной грамматики (ЛФГ) [Kaplan, Bresnan 1982], где этим уровням соответствуют с-структура, f-структура и семантическая структура (s-структура) [Dalrymple 2001, Lev 2007]. Подробная формализация предлагаемых понятий и обоснование предпочтения именно этой теоретической парадигмы другим уровневым теориям выходят за рамки данной статьи. Однако для удобства, следуя терминологии ЛФГ, я предлагаю использовать сокращённые названия для сочинения и подчинения на каждом из этих уровней: с-сочинение и подчинение, f-сочинение и подчинение и s-сочинение и подчинение.

Для наглядности предлагаемую классификацию псевдосочинительных и канонически подчинительных и сочинительных конструкций можно представить в виде следующей таблицы:

Таблица 2. Классификация сочинительных, подчинительных и псевдосочинительных конструкций

	с-структура	f-структура	s-структура
Сочинение	соч.	соч.	соч.
Подчинение	подч.	подч.	подч.
Причинное псевдосочинение	соч.	соч.	подч.
Пропозициональное псевдосочинение	соч.	подч.	подч.

Подробная и эксплицитная формализация данного анализа предложена в статье [Belyaev, в печати].

5. Заключение

В статье были рассмотрены две полипредикативные конструкции осетинского языка, в которых используется сочинительный союз *æма* 'и'. В одной из этих конструкций второе предложение является с семантической точки зрения придаточным причины, в другом — сентенциальным актантом. Подобные конструкции часто демонстрируют смешанные сочинительно-подчинительные свойства и были ранее достаточно подробно изучены на материале европейских языков. Одной из известнейших работ, посвящённых данному типу сложных предложений, является работа [Culicover, Jackendoff 1997], в которой смешанные свойства английских конструкций такого типа трактуются как результат несоответствия (*mismatch*) между синтаксисом и семантикой. Впоследствии этот подход получил развитие в работе [Yuasa, Sadock 2002], где для подобных конструкций в языках мира были предложены термины *псевдосочинение* и *псевдоподчинение*. Первый термин обозначает синтаксически сочинительные, но семантически подчинительные конструкции, второй — наоборот, синтаксически подчинительные, но семантически сочинительные.

Однако данные осетинских псевдосочинительных конструкций говорят о том, что данный подход должен быть пересмотрен. Дело в том, что применение к осетинским конструкциям синтаксических тестов обнаруживает не два, а три уровня, на которых должны определяться понятия «сочинение» и «подчинение». А именно, причинная конструкция, являющаяся полностью сочинительной

по всем традиционным тестам, оказывается подчинительной по двум признакам: по признаку использования в конструкции с 'это' [Пекелис 2009] и по признаку возможности попадания отношения между клаузами в сферу действия отрицания. В то же время пропозициональная псевдосочинительная конструкция является подчинительной не только по этим двум признакам, но и по всем признакам, ранее относимым к «семантическому» уровню. В то же время по тестам «синтаксического» уровня (таких, как тест на гнездование) она является сочинительной.

Таким образом, если пропозициональная конструкция является псевдосочинительной в соответствии с исходным определением в [Yuasa, Sadock 2002], то причинную конструкцию, вопреки её значению, следовало бы признать полностью сочинительной, если бы не два теста, относящих её к подчинению.

На мой взгляд, проблему описания псевдосочинения в осетинском языке можно решить, предположив, что между уровнем «поверхностного» синтаксиса, т. е. структуры составляющих, с одной стороны, и уровнем семантики, с другой стороны, имеется также промежуточный уровень «глубинного синтаксиса». Уровень структуры составляющих отвечает за свойства конструкций, связанные с линейным порядком клауз и позицией союза, на уровне же «глубинного» синтаксиса задаются грамматические отношения, ограничения на анафору и на возможность выноса элементов одной клаузы в другую. Оба эти уровня существуют отдельно от уровня семантики, на котором задаётся собственно значение конструкции.

Таким образом, каждая полипредикативная конструкция должна характеризоваться не по одной шкале «сочинение ↔ подчинение», а по двум таким шкалам, относящимся к уровням «поверхностного» синтаксиса (структуры составляющих) и «глубинного» синтаксиса (грамматических отношений). При этом эти шкалы не представляют собой континуум: понятия «сочинения» и «подчинения» чётко дифференцированы и определяются на основании известных синтаксических тестов (см. раздел 3). Это не отменяет того факта, что у разных конструкций могут быть разные степени «подчинительности»: в рамках понятия подчинения, безусловно, могут существовать различные градации, синтаксические эффекты которых должны быть подробнее исследованы. Наличие таких градаций

не делает общее понятие подчинения менее чётко очерченным на каждом из этих уровней.

Эти две шкалы существуют отдельно от семантики конструкции, которая в общем случае не связана с её позицией на этих шкалах, хотя определённые корреляции в этой области существуют. Семантический тип конструкции в спорных случаях определяется на основании особых диагностик, таких как тест на отрицание и на конструкцию с 'это', использованные выше.

При таком подходе к сочинению и подчинению причинную конструкцию можно охарактеризовать как синтаксически сочинительную как на уровне структуры составляющих, так и на уровне грамматических отношений, но при этом семантически подчинительную.

Предлагаемое здесь решение требует формализации в рамках теории, подразумевающей наличие как минимум трёх независимых уровней представления предложения: структуры составляющих, «глубинного» синтаксиса и семантики. Именно такое представление структуры высказывания предлагается в теории Лексико-функциональной грамматики, где центральное значение имеет противопоставление уровня s-структуры (структуры составляющих), уровня f-структуры («глубинного» синтаксиса, представляющего собой множество пар «признак-значение») и уровня семантики. Таким образом, данные осетинского языка свидетельствуют в пользу выделения уровня, подобного f-структуре, как самостоятельного уровня представления структуры высказывания.

Для понятий сочинения и подчинения на трёх вышеназванных уровнях языковой структуры предлагаются следующие сокращённые названия: s-сочинение и подчинение, f-сочинение и подчинение, и s-сочинение и подчинение.

Безусловно, скорее всего, далеко не все из предсказываемых в рамках данного подхода восьми типов полипредикативных конструкций реально встречаются в языках мира. Пределы вариативности в данной области предстоит выяснить, применяя данный подход к большему количеству языков.

Список условных сокращений

1 — первое лицо; 2 — второе лицо; 3 — третье лицо; ABL — аблатив; ALL — аллатив; COMIT — комитатив; COMPL — союз, вводящий сентен-

циальный актант; CNTRF — контрафактив; DAT — датив; DIST — указательное местоимение дальнего плана; ENCL — энклитическое местоимение; FUT — будущее время; GEN — генитив; IMP — императив; IN — инэссив-иллатив; INDEF — показатель неопределённого местоимения; INF — инфинитив; INTR — непереходное спряжение глагола; NEG — отрицание; NOM — номинатив; PL — множественное число; POSS — притяжательное местоимение; PRS — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; PTCP — причастие; PV — проверб; REFL — показатель рефлексивного местоимения; SBJV — сослагательное наклонение; SG — единственное число; TR — переходное спряжение глагола.

Литература

- Ахвледиани 1969 — Г. С. Ахвледиани (ред.). Грамматика осетинского языка. Т. II. Синтаксис. Орджоникидзе: НИИ при Совете министров Северо-Осетинской АССР, 1969.
- Багаев 1982 — Н. К. Багаев. Современный осетинский язык. Ч. 2. Синтаксис. Орджоникидзе: Ир, 1982.
- Беляев 2011 — О. И. Беляев. Коррелятивность в коррелятивах: связывание переменной или анафора? (на материале осетинского языка) // Н. Н. Казанский (отв. ред.). Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований. Т. 7, Ч. 3. СПб.: Наука, 2011. С. 261–269.
- Кулаев 1959 — Н. Х. Кулаев. Союзы в современном осетинском языке. Орджоникидзе: Северо-Осетинское книжное издательство, 1959.
- Падучева 1981 — Е. В. Падучева. Презумпции и другие виды неэксплицитной информации в предложении // Автоматизация обработки текста 2 (11), 1981. С. 23–30.
- Пекелис 2008 — О. Е. Пекелис. Сочинение и подчинение: коммуникативный подход // Русский язык в научном освещении 2 (16), 2008. С. 21–57.
- Пекелис 2009 — О. Е. Пекелис. Сочинение и подчинение в контексте причинной семантики. Дисс. ... канд. филол. наук. МГУ, М., 2009.
- Тестелец 2001 — Я. Г. Тестелец. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
- Урысон 2011 — Е. В. Урысон. Опыт описания семантики союзов. М.: Языки славянских культур, 2011.
- Belyaev 2014 — O. Belyaev. Anaphora in Ossetic correlatives and the typology of clause combining // P. Suihkonen, L. J. Whaley (eds.). On diversity and complexity of languages spoken in Europe and North and Central Asia. Amsterdam: John Benjamins, 2014. P. 275–310.
- Belyaev, в печати — O. Belyaev. Systematic mismatches: Coordination and subordination at three levels of grammar // Journal of Linguistics 51 (2). В печати.

- Bickel 2010 — B. Bickel. Capturing particulars and universals in clause linkage: A multivariate analysis // I. Bril (ed.). *Clause linking and clause hierarchy: Syntax and pragmatics*. Amsterdam: John Benjamins, 2010. P. 51–102.
- Culicover, Jackendoff 1997 — P. W. Culicover, R. Jackendoff. Semantic subordination despite syntactic coordination // *Linguistic Inquiry* 28, 1997. P. 195–217.
- Dalrymple 2001 — M. Dalrymple. *Lexical Functional Grammar*. New York: Academic Press, 2001.
- Erschler 2012 — D. Erschler. From preverbal focus to preverbal “left periphery”: The Ossetic clause architecture in areal and diachronic perspective // *Lingua* 122 (6), 2012. P. 673–699.
- Foley, Van Valin 1984 — W. Foley, R. D. Van Valin, Jr. *Functional syntax and universal grammar*. Cambridge: Cambridge University Press, 1984.
- Haiman 1985 — J. Haiman. *Natural syntax: Iconicity and erosion*. Cambridge: Cambridge University Press, 1985.
- Haspelmath 1995 — M. Haspelmath. The converb as a cross-linguistically valid category // M. Haspelmath & E. König (eds.). *Converbs in cross-linguistic perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 1995. P. 1–55.
- Kaplan, Bresnan 1982 — R. Kaplan, J. Bresnan. *Lexical-Functional Grammar: A formal system for grammatical representation* // J. Bresnan (ed.). *The mental representation of grammatical relations*. Cambridge, Mass.: Cambridge University Press, 1982. P. 173–281.
- Lev 2007 — I. Lev. *Packed computation of exact meaning representations*. PhD dissertation, Stanford University, 2007.
- Rodman 1972 — R. Rodman. The proper treatment of relative clauses in Montague Grammar // R. Rodman (ed.). *Papers in Montague Grammar. Occasional Papers in Linguistics 2*, Los Angeles: UCLA, 1972. P. 80–94.
- Ross 1967 — J. R. Ross. *Constraints on variables in syntax*. PhD dissertation, Massachusetts Institute of Technology, 1967.
- Sellars 1954 — W. Sellars. Presupposing // *Philosophical Review* 63 (2), 1954. P. 197–215.
- Stalnaker 1973 — R. Stalnaker. Presupposition // *Journal of Philosophical Logic* 4, 1973. P. 447–457.
- Yuasa, Sadock 2002 — E. Yuasa, J. M. Sadock. Pseudo-subordination: A mismatch between syntax and semantics // *Journal of Linguistics* 38, 2002. P. 87–111.